

ПРОЛОГ

НЬЮТ

В тот день, когда убили его родителей, шел снег.

Несчастный случай — так потом сказали. Но мальчик был там и знал, что это неправда.

Началось все со снега — будто серое небо послало холодящее душу знамение.

Как же они тогда удивились! В городе уже давно лютовал удушающий зной. Месяц за месяцем, год за годом — в бесконечной череде дней были лишь жара, голод и боль. Семья мальчика выжила. Утро дарило надежду, но потом наступал день, и все повторялось: поиски еды, стычки между выжившими, леденящие душу звуки. Долгие жаркие дни сменялись безмолвными вечерами, когда можно было сидеть и смотреть, как мир медленно растворяется в темноте. Вот только никто не знал, наступит ли завтра.

Иногда к ним забредали шизы — тем-то было все равно, что день, что ночь. О них никогда не говорили ни папа, ни мама, ни он сам — ведь есть же поверье: «помяни черта, он и появится». Только Лиззи — вдвое младше и в столько же раз храбрее брата — не боялась поверий.

Малышка Лиззи.

Мальчику полагается быть смелым; это он должен успокаивать сестренку: *не бойся, Лиззи,*

погвал на замке, света нет. Плохие люди нас не найдут. Но слова не шли. Тогда он просто обнимал ее, как обнимают любимого плюшевого мишку, а она похлопывала его по спине. От нежности сжималось сердце. Он клялся себе, что никогда не позволит шизам ее обидеть, и жаждал вновь ощутить прикосновение маленькой ладошки.

Часто они так и засыпали в дальнем углу подвала, на старом матрасе, который отец сволок вниз по лестнице. Мать еще укрывала их одеялом, будто назло жаре и Вспышке, которая разрушила их жизнь.

Но в то утро их ждало нечто удивительное.

— Дети! — раздался мамин голос.

Мальчику снился футбол: мяч катился по зеленой траве прямехонько в пустые ворота безлюдного стадиона.

— Скорее идите сюда!

Мама стояла у единственного в подвале окошка. Доска, которую отец каждый вечер прибавал к окну, лежала в стороне. На мамино лицо ложился мягкий сероватый свет, а глаза восхищенно сияли. Она уже очень давно так не улыбалась.

— Мама, что? — пробормотал мальчик, вставая.

Лиззи протерла глазки, зевнула, потом побрела вслед за ним.

Ему помнилось: вот он под оглушительный храп отца подходит к окну и смотрит на пустую улицу, щурясь от дневного света. Небо затянуто облаками, что само по себе огромная редкость. Однако что это? Из серой вышины летят снежинки. Они кружатся, будто в танце: вспархивают, вопреки закону притяжения, и вновь опускаются.

Снег.

Снег?

— Какого черта! — пробормотал он, потому что отец часто так говорил.

— Мамочка, почему снег? — спросила Лиззи. Полусонные глазки сияли таким восторгом, что сердце защемило. Он мягко потянул ее за косичку — все-таки насколько же с Лиззи веселей.

— Из-за вспышек, — начала мама, — погода в мире перепуталась. Вот и снег. Красиво, правда?

Лиззи радостно вздохнула.

Кто знает, доведется ли еще увидеть такое. Снежинки вихрились, падали и таяли, едва коснувшись земли. Стекло усеяли капли.

Они стояли и смотрели на картину за окном, когда по стеклу скользнула чья-то тень. Рассмотреть, кто это, мальчик не успел — в дверь наверху требовательно постучали. Стук еще не стих, а отец уже вскочил на ноги.

— Кто там? — хрипло спросил он.

— Не разглядела. — Радость на мамином лице сменилась привычной тревогой. — Открыть?

— Нет, — бросил отец. — Подождем, может, уйдут.

— А вдруг дверь выломают? — прошептала мама. — Подумают, что дом заброшен, будут еду искать. Я бы и сама так сделала.

Отец смотрел на нее, лихорадочно соображая.

Бум-бум-бум! — Удары сотрясли весь дом — наверное, непрошенные гости нашли, чем взломать дверь.

— Жди здесь, с детьми, — тихонько проговорил отец.

Мама начала было возражать, но осеклась — сын и дочь важнее. Она притянула их к себе. От маминого тепла стало спокойней. Отец тихонько поднялся по лестнице и пошел к двери. Пол наверху заскрипел. Стало тихо.

В воздухе повисло тяжелое, тревожное ожидание. Лиззи схватилась за руку брата. На этот раз слова нашлись, хотя сам он в них не верил.

— Не бойся, — зашептал мальчик, — наверное, еду ищут. Папа поделится с ними, и они уйдут. Вот увидишь. — Он отчаянно сжал пальчики сестренки.

И тут в тишину ворвались громкие звуки.

Грохот распахнутой двери.

Сердитые крики.

Удар и хлопок, сотрясший доски над головой.

Тяжелые страшные шаги.

В подвал спустились двое, нет, трое: мужчины и женщина. Непривычно хорошо одетые. Лица ни добрые, ни злые, просто серьезные.

— Вы не отвечали на уведомления, — произнес один из вошедших, оглядывая подвал. — Простите, мы должны забрать девочку. Элизабет. Мне жаль.

Мир, и так полный недетских бед и горестей, рухнул окончательно. Будто разрезая внезапно сгустившийся воздух, незнакомцы приблизились, сгребли Лиззи за майку, толкнули маму — та, с душераздирающим криком цеплялась за малышку. Мальчик рванулся вперед, заколотил одного из незнакомцев по спине — будто комар нападает на слона.

У Лиззи был такой взгляд!.. В груди разом ухнуло что-то тяжелое и холодное, осыпаясь, рая

осколками изнутри. Невыносимая боль. С диким воплем маленький защитник снова бросился на обидчиков, молотя по спине то одного, то другого.

— Довольно! — крикнула женщина и стремительно взмахнула рукой — щеку мальчика обожгла хлесткая пощечина. Незнакомец ударил маму по голове, она осела на пол.

И тут словно прогремел гром, где-то близко и повсюду. В ушах зазвенело. Мальчик, отлетев к стене, увидел весь ужас сразу.

Один из мужчин ранен в ногу.

Отец в дверях, с ружьем в руке.

Мама с криком тянется к женщине — та вынула пистолет.

Еще два выстрела отца. Оба мимо — пули гулко ударили в бетонные стены.

Мама, из последних сил вцепившаяся женщине в плечо.

А потом та оттолкнула ее локтем, выстрелила, крутанулась на месте, снова выстрелила, еще раз и еще. Воздух застыл, крики и шум казались далекими-далекими, время замерло. Только где-то под ногами разверзалась пустота — мальчик смотрел на упавших родителей. Время шло, но никто не шевелился. Мама и папа не шевелились.

— Черт, теперь обоим придется забрать, — сказал один из чужаков, глядя на осиротевших детей. — Ладно, тоже пригодится, контрольным будет. — Он ткнул пальцем в сторону мальчика, равнодушно, будто консервную банку на полке выбрал. Тот бросился к сестренке, обнял ее. И незнакомцы увели их с собой.

ГЛАВА 1

Дата: 221.11.28 Время: 9.23

Стивен, Стивен, Стивен. Меня зовут Стивен, — твердил он себе уже два дня, с тех пор, как его забрали у матери. В памяти осталась каждая секунда расставания, каждая слезинка на маминном лице, каждое слово и прикосновение. Маленький, он уже понимал: так лучше. Отец превратился в невменяемое существо, злобное, дурно пахнущее и опасное. Будет невыносимо, если с мамой случится то же самое.

Боль разлуки поглотила Стивена, затягивала все глубже и глубже, как холодная океанская пучина. Он лежал на кровати в крохотной комнате, свернувшись калачиком и крепко зажмурившись, будто от этого быстрее уснешь. С тех пор, как его забрали у мамы, он не спал, а лишь ненадолго забывался и каждый раз видел темное небо и ревущих чудовищ. Нет, он не даст себе снова погрузиться в кошмар.

Стивен, Стивен, Стивен. Меня зовут Стивен.

От прежней жизни у него остались только воспоминания и имя. Но если первое отнять нельзя, то второе — пытались. Вот уже два дня его заставляли принять новое имя — Томас, — а он отчаянно цеплялся за шесть букв, которые выбрали для него родители. Когда люди в белых халатах

.....

называли его Томасом, он делал вид, что обращаются не к нему, хоть это и трудно, когда в комнате всего двое.

Стивену еще и пяти не исполнилось, но он уже столько черноты и боли в жизни видел. А потом его взяли к себе эти люди. Они обращались с ним все суровее и суровее — очевидно, показывали, что дальше будет только хуже.

Дверь загудела и открылась. В комнату вошел незнакомец в зеленом комбинезоне, похожем на несурную пижаму. Вид у него был глупый, однако Стивен ему этого не сказал, хоть и очень хотелось — за два дня он понял, что с этими людьми лучше не шутить. Наверное, терпение у них иссякло.

— Томас, пойдём, — велели ему.

Стивен, Стивен, Стивен. Меня зовут Стивен.

Он не шевельнулся. И глаза не открыл — может, незнакомец не заметил, что сначала Стивен лежал с открытыми глазами. Люди каждый раз приходили разные. Обращались они к нему не сердито и не ласково — просто безучастно, как будто думали о чем-то о своем, а уж точно не о маленьком одином мальчике.

Мужчина повторил, теперь уже нетерпеливо:

— Томас, вставай. Некогда мне с тобой играть. Нас гонят всюду, чтобы к сроку успеть, а ты чуть ли не последний, кто на новое имя не отзывается. Может, хватит? Ну какая тебе разница? Мы тебя из такого ада вытащили!

Стивен притворялся, что спит, но получалось не очень. Наконец, он перестал притворяться и сердито посмотрел прямо в глаза незнакомцу.

— Вид у вас глупый.

— Что-что? — удивленно спросил тот.

Внутри Стивена поднялась злость.

— Я сказал, вид у вас глупый в этой зеленой пижаме. И хватит уже. Не буду я делать то, что вы говорите. И дурацкий комбинезон не надену. И я не Томас, а Стивен!

Человек в пижаме рассмеялся, не высокомерно, а вполне искренне. Вот бы швырнуть в него чем-нибудь.

— А мне говорили, что ты... — он глянул в свой электронный блокнот, — обаятельный малый. Что-то непохоже.

— Был таким, пока у меня не отобрали имя, — ответил Стивен. — Которое мама и папа дали.

— Не тот ли это папа, который спятил и чуть мать не убил? — спросил человек. — И мама, которая сама просила тебя забрать? И которой все хуже с каждым днем... Ты про них?

Стивен молчал и злился.

«Зеленый» подошел к кровати, присел рядом.

— Послушай, ты еще маленький. Но умный. Очень умный. А еще у тебя иммунитет к Вспышке. От тебя многое зависит! — Его слова звучали все строже. Наверное, сейчас скажет что-то совсем плохое.

— Смирись с потерей, о главном подумай, — продолжал незнакомец. — Если за пару лет лекарство не найдем, люди вымрут. Понял, Томас? А сейчас ты встанешь и пойдешь со мной. Повторять не буду.

Он подождал, неотрывно глядя на Стивена, затем встал и пошел к двери.

Стивен неохотно поднялся и последовал за ним.

ГЛАВА 2

Дата: 221.11.28 Время: 9.56

В коридоре Стивен впервые увидел еще одного ребенка. Девочку с каштановыми волосами. Вроде чуть старше его... Разглядеть получше не успел — вместе с какой-то женщиной она зашла в соседнюю комнату. Белая дверь с табличкой «31К» плотно закрылась.

— А вот Тереза спокойно новое имя приняла, — сказал человек в «пижаме». Они шли по длинному, слабо освещенному коридору. — Наверное, прежнее торопилась забыть.

— Какое? — спросил Стивен уже вежливее. Ему правда хотелось знать. Если девочка так легко сдалась, он запомнит имя и для нее — вдруг они потом подружатся.

— Тебе свое бы забыть, — последовал ответ. — Еще чужого не хватало.

Не забуду, подумал Стивен.

Однако где-то в глубине сознания он понимал: что-то изменилось. Он уже не настаивал на том, чтобы его звали Стивеном, просто обещал себе, что *не забудет*. Тоже сдался? *Нет!*

— Как вас зовут? — спросил он, чтобы отвлечься.

— Рэндалл Спилкер, — ответил мужчина, не замедляя шаг. Они завернули за угол и оказались у лифтов. — Я не всегда был таким, уж поверь. Мир, люди, на которых я работаю... — он обвел рукой вокруг, — тут поневоле очерствеешь. Прости уж.

Стивен не ответил — гадал, куда его ведут. Двери лифта, звякнув, открылись.

.....

* * *

Стивен сидел на странном стуле. В ноги и спину врезались какие-то приспособления. К вискам, шее, запястьям, локтям и груди прилепили датчики, малюсенькие, не больше ногтя. На экране напротив мелькали цифры, что-то гудело, позвякивало. Зеленопижамный уселся в кресло напротив, коленями едва не касаясь Стивена.

— Прости, Томас. Обычно мы дольше ждем, — сказал Рэндалл добрее, чем тогда в коридоре и в комнате. — Побольше бы времени — и ты принял бы имя добровольно, как Тереза. Увы, время — роскошь, которой больше нет.

Он взял какую-то металлическую штучку, с одного конца закругленную, с другого — острую, как игла.

— Не двигайся. — Рэндалл наклонился, будто собираясь прошептать что-то Стивену на ухо. Тот и ответить ничего не успел, как под подбородком сильно кольнуло, а потом он с ужасом почувствовал, как что-то проникает в шею. Стивен вскрикнул, но боль уже исчезла, только в груди поднималась паника.

— Ч-что это? — пролепетал он и попытался встать, не обращая внимания на датчики.

Рэндалл толкнул его обратно. Легко — он же вдвое больше Стивена.

— Стимулятор боли. Не бойся, растворится и сам выйдет. Когда не нужен будет. — Рэндалл пожал плечами. — Если понадобится, можно новый поставить. Расслабься.

Стивен с трудом перевел дыхание.

— Зачем он?

— Ну, посмотрим... Томас. Путь предстоит долгий. Всем нам. Хотя как раз сегодня, сейчас, можно пойти короткой дорогой, срезать немного. Просто скажи, как тебя зовут.

— Стивен.

Рэндалл уронил голову на ладони, потом усталым шепотом произнес:

— Давайте.

Что там синяки и царапины. Внутри взметнулась боль неведомой силы, неопишуемая, непостижимая. Она проникала в вены, разрывала мышцы. Будто издалека он услышал собственный крик, а потом мозг спас его от боли — Стивен потерял сознание.

* * *

Тяжело дыша, весь в поту, он очнулся на том же стуле — только теперь привязанный к нему кожаными ремнями. Каждый нерв еще звенел от боли, вызванной Рэндалловой штукой.

— Что... — попытался сказать Стивен. Вышел только хриплый шепот. В горле саднило — значит, он кричал, пока был без сознания. — Что?.. — повторил он, пытаясь собрать обрывки мыслей.

— Я же говорил тебе, Томас, — с грустью или даже с жалостью произнес Рэндалл. — Объяснять долго некогда. Мне очень жаль. Правда. Придется повторить. Думаю, теперь понятно, что тут не шутят.

Он отвел взгляд и уставился в пол.

— Как вы могли сделать мне больно? — проговорил Стивен, преодолевая боль в горле. — Ребенку? — Прозвучало жалко.

Стивен знал, что, когда взываешь к жалости, взрослые реагируют двумя способами: или добреют и начинают обращаться с тобой лучше, или, сжигаемые чувством вины, наоборот, свирепеют. Рэндалл выбрал второе — он покраснел и заорал:

— От тебя только имя требуется! Ну же, я не шучу. Как тебя зовут?

Стивен был неглуп — ладно, он притворится.

— Томас. Меня зовут Томас.

— Врешь, — ответил Рэндалл; в глазах его плескалась темнота. — Еще.

Стивен открыл было рот, чтобы ответить, однако Рэндалл обращался не к нему. Боль вернулась, причем сильнее и быстрее, чем прежде. Едва он это понял, как снова потерял сознание.

* * *

— Как тебя зовут?

— Томас, — еле проговорил Стивен.

— Опять врешь.

— Нет, — простонал он.

Ни боль, ни последовавшая за ней темнота уже не были неожиданностью.

* * *

— Как тебя зовут?

— Томас.

— Не вздумай забывать.

— Нет, — дрожал он от рыданий.

* * *

— Как тебя зовут?

— Томас.

— А раньше звали по-другому?

— Нет. Томас.

— Теперь запомнишь? На другое имя отзываться не будешь?

— Нет.

— Ладно. Еще раз, напоследок.

* * *

Он лежал на кровати, сжавшись в комок. Вокруг стояла тишина, мир за пределами комнаты будто не существовал. Слез больше не было, ощущений тоже, только противное покалывание в горле. Словно во сне он видел перед собой Рэндалла с перекошенным от злости, похожим на ужасную маску лицом, Рэндалла, в котором чувство вины и раздражение породили беспощадную ярость.

Никогда не забуду, — клялся он себе. — *Ни за что.*

Он повторял это снова и снова. Однако что-то уже изменилось, вот только что...

Томас, Томас, Томас. Меня зовут Томас.

ГЛАВА 3

Дата: 222.2.28 Время: 9.36

— Посиди спокойно.

Врач был не злой и не добрый. Просто равнодушный. А еще непримечательный: среднего воз-